

Из записной книжки критика

мат. нр. (90-77)

строгие господа, которые не одобряют подобного способа чтения и даже сдѣлаютъ выводъ, что такой способъ прямо изобличаетъ нѣкоторое легкомысліе. Но этимъ строгимъ осуждающимъ господамъ я могу сдѣлать два-три существенныхъ возраженія. Во-первыхъ, я могу сослаться на одинъ очень высокій авторитетъ—на покойнаго Филарета, митрополита московскаго, который подъ старость говаривалъ, что онъ по глубокому убѣжденію въ тщетѣ всякихъ книгъ тоже обыкновенно приступаетъ къ чтенію ихъ съ конца. Да и крошѣ Филарета, я знаю многихъ почтенныхъ лицъ, которые также поступаютъ. Я знаю, напримѣръ, одного директора театра (частнаго), читающаго только концы актовъ драмъ и комедій и оценивающаго ихъ по такимъ концамъ. Говорятъ, что такимъ же образомъ читаютъ пьесы и члены базисныхъ литературно-театральныхъ комитетовъ: оно, знаете, удобно, скоро дѣло идетъ... Во-вторыхъ, не все ли равно, съ конца ли, съ начала ли читать всякія теперешнія статьи въ журналахъ: вѣдь какъ ни читай, ничего существеннаго не вычитаешь. Итакъ, я заглянулъ въ конецъ «Писемъ о литературѣ» г. Ачкасова. Г. Ачкасовъ въ концѣ второго письма «критикуетъ» недавній рассказъ г. Чехова «Ариадна». Въ этомъ рассказѣ, — говоритъ критикъ, — г. Чеховъ касается вопроса, который видимо его интересуетъ, а именно жизни современной городской, буржуазной интеллигентной женщины, которая, по его мнѣнію, давно уже отстала отъ настоящей культуры и возвращается къ первобытному состоянію; она уже наполовину человѣкъ-звѣрь, и, благодаря ей, очень многое, что было завсегдано человѣческимъ гениемъ, уже потеряно». Такую ужасную «идею» высказываетъ г. Чеховъ по своимъ «устамъ», а «устами» героя рассказа—Шамохина, но «очевидно», — замѣчаетъ г. Ачкасовъ, — устами этого Шамохина говоритъ авторъ. Гвоздь рассказа именно и заключается въ горячей филиппикѣ противъ современной городской, интеллигентной женщины, которая мало-по-малу обращается въ первобытную самку. Не удовле-

творяющую идеальнымъ потребностямъ мужчины и угрожающую серьезной опасностью дальнѣйшему развитію культуры». Я незадолго передъ этимъ читалъ рассказъ г. Чехова «Ариадна», — рассказъ, на мой взглядъ, очень неважно написанный; но, признаюсь, тотъ «гвоздь», на который указываетъ г. Ачкасовъ, я нашелъ не въ самомъ рассказѣ, а лишь въ головѣ автора. Правда, г. Чеховъ «устами Шамохина» очень усердно старается забыть упомянутый «гвоздь» въ рассказъ; только, какъ это часто случается съ теперешними белетристами, усилія автора остаются тщетными. Почти ужасная и, во всякомъ случаѣ, очень нелюбезная «идея» о превращеніи женщины въ чело-вѣкъ-звѣря не вытекаетъ изъ рассказа. Въ лицѣ Ариадны (какое поэтическое имя! Г. Чеховъ очевидно желаетъ подражать нашимъ дамамъ-писательницамъ въ прозваніи героини такимъ чуднымъ именемъ) авторъ выводитъ не современную интеллигентную женщину, а одну изъ фальшивыхъ и гулящихъ бабенокъ, кривляющихся передъ мужчинами ради пущей «интересности». Такія фальшивыя бабенки существовали давно, сплывутъ вѣку, вездѣ и всюду. Нѣтъ никакого резона считать такихъ бабенокъ интеллигентными героинями нашего времени и потому нѣтъ никакого резона «устами Шамохина» предвидѣть погибель культуры отъ существованія подобныхъ бабенокъ. Если бы гибель культуры зависѣла отъ продлыванія амурныхъ кривляній, практикуемыхъ таковыми бабенками передъ мужчинами, то культура давно бы уже должна была погибнуть въ цѣломъ мірѣ. Но, слава Богу, она еще держится и развивается себѣ понемножку вездѣ, даже и у насъ развивается. Стало-быть, ни г. Шамохину, ни г. Чехову «устами Шамохина» нечего поднимать праздную тревогу, не слѣдуетъ вбивать въ свои рассказы подобные «гвозди» и, наоборотъ, слѣдуетъ осторожно вынуть ихъ изъ собственной авторской головы и бросить въ качества уже немного заржавѣвшихъ орудіи дешеваго, книжнаго, и бы сказать даже почти школьнаго цеснишана, прельщающаго теперь развѣ только гимназистовъ. Опытный докторъ для утѣше-

ни больнымъ обыкновенно говорить, уходя отъ нихъ постели: «ну, будемъ думать, что къ утру больному будетъ легче». Вотъ и въ такомъ же родѣ скажу: будемъ думать, что г. Чеховъ къ слѣдующему разсказу перемѣнитъ взглядъ на современныхъ питей-гентовъ дамъ, полюбезнѣе отнесется къ нимъ и выставитъ намъ новаго г. Шамокина уже не столь огорченнымъ дамскими амур-рами и судящаго о дамахъ менѣе отрицательно и врачно.

II.

Къ слову сказать, у насъ встрѣчается очень много господъ, которые считаютъ себя великими знатоками женщинъ, женскаго сердца, женскихъ амуровъ и, на основаніи такого убѣжденія, что они великіе знатоки, осуждаютъ женщинъ, поносятъ ихъ, издѣваются надъ ними, острятъ, выставляютъ ихъ пустыми и глупыми, мелочно хитрыми и т. д. Между тѣмъ, по внимательномъ разсмотрѣніи, оказывается очень нерѣдко, что эти знатоки женщинъ потому такъ презрительно и «отрицательно» о нихъ судятъ, что они совсѣмъ женщинъ не знаютъ и присваиваютъ себѣ титулъ знатоковъ безъ всякаго основанія. Я, напримѣръ, знавалъ одного панпльона, уже почтеннаго, лѣтъ за пятьдесятъ, который считалъ себя присяжнымъ знатокомъ женщинъ, разсуждалъ о нихъ необыкновенно развязно, рѣзко и отрицательно. И все это только потому, что онъ цѣлый вѣкъ вращался въ обществѣ ко-котокъ и каботивокъ, которыхъ покупалъ за умеренную цѣну. Разумѣется, панпльонъ относился къ продажнымъ кокоткамъ и каботницамъ съ презрѣніемъ и переносилъ свой презрительный взглядъ отъ нихъ и на всѣхъ остальныхъ особъ прекраснаго пола. Но развязный панпльонъ не подозрѣвалъ того, что даже продажныя кокотки и каботники относились къ нему, панпльону, съ презрѣніемъ несравненно большимъ, чѣмъ его презрѣніе къ нимъ; онъ не подозревалъ того, что даже продажныя кокотки и каботники никакихъ другихъ качествъ своего ума, души и сердца, кромѣ презрѣ- ныхъ, не выказывали передъ нимъ, по- тому что не считали его достойнымъ (...)

В. Буренин